

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Кублицкая О. В. «Неизмеримое воздушное пространство»: образ России в травелогe М. И. Невзорова / О. В. Кублицкая // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 293–310. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-293-310.

Kublitskaya, O. V. (2024). “Incommensurable Airspace”: Image of Russia in Travelogue of Maxim Nezvorov. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 293-310. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-293-310. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

«Неизмеримое воздушное пространство»: образ России в травелогe М. И. Невзорова

Кублицкая Ольга Викторовна

orcid.org/0000-0002-1411-1567

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра журналистики и
литературного образования
elkala@inbox.ru

Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург, Россия)

“Incommensurable Airspace”: Image of Russia in Travelogue of Maxim Nezvorov

Olga V. Kublitskaya

orcid.org/0000-0002-1411-1567

PhD of Philology, Associate Professor,
Department of Journalism
and Literary Education
elkala@inbox.ru

Pushkin Leningrad State University
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье проанализирован образ России в travelogue «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году» Максима Невзорова. На основе данных теоретических положений нами были выделены три аспекта анализа: жанровый, пространственный, субъектный. В исследовании использован структурно-описательный и культурно-исторический метод, а также основные положения теории жанра Н. Л. Лейдермана, концепции культурного ландшафта В. Л. Каганского и идеи субъекта художественного текста Б. О. Кормана. В результате было установлено, что выбор условно документальной формы эпистолярия позволил автору сформировать установку на достоверность, совмещенную с типично сентименталистской интенцией «чувствительного путешественника». Показано, что Невзоровым определена системообразующая дихотомия «центр — периферия», в контексте которой (ре)конструируется культурный ландшафт. Сделан вывод о том, что автор оценивает ключевую составляющую данного ландшафта — планировку и архитектуру населенных пунктов, а пейзаж выполняет вспомогательную функцию. Особое внимание Невзоров уделяет чрезвычайно пестрой этнической картине населения империи. Несмотря на то что он нечасто дает своим «собеседникам» право голоса, именно их комментарии и суждения позволяют частично реконструировать картину мира человека начала XIX столетия, одним из ключевых элементов которой выступает образ России.

Ключевые слова:

сентиментальные путешествия; Максим Невзоров; образ России; культурный ландшафт; имагология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the image of Russia in Maxim Nezvorov's travelogue "Journey to Kazan, Vyatka, and Orenburg in 1800." Based on theoretical frameworks, we identify three aspects of analysis: genre, spatiality, and subjectivity. The study employs structural-descriptive and cultural-historical methods, alongside the foundational principles of N. L. Leiderman's genre theory, V. L. Kagansky's concept of cultural landscape, and B. O. Korman's ideas on the subject of artistic text. Our findings indicate that the choice of a quasi-documentary epistolary form allowed the author to establish a commitment to authenticity, combined with a characteristically sentimental intention of the "sensitive traveler." It is demonstrated that Nezvorov delineates a system-forming dichotomy of "center-periphery," within which the cultural landscape is (re)constructed. We conclude that the author evaluates a key component of this landscape — urban planning and architecture — while the landscape itself serves a supportive role. Nezvorov pays particular attention to the extraordinarily diverse ethnic composition of the empire's population. Although he rarely grants his "interlocutors" a voice, their comments and judgments enable a partial reconstruction of the worldview of a person in the early 19th century, one of the key elements of which is the image of Russia.

Key words:

sentimental travels; Maxim Nezvorov; image of Russia; cultural landscape; imagology.

«Неизмеримое воздушное пространство»: образ России в травелоге М. И. Невзорова

© Кублицкая О. В., 2024

1. Введение = Introduction

Рубеж XVIII—XIX веков в русской литературе отмечен интенсивным развитием путевой прозы, в частности сентиментальной. Географическое многообразие травелогов позволяет говорить о широте интересов их создателей, вместе с тем большая часть подобных текстов так или иначе связана с освоением территории Российской империи. И если крымские и малороссийские травелоги («Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием тех мест» (1800), «Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду» (в 2 ч., 1803) П. И. Сумарокова; «Путешествие в Малороссию» (1803), «Другое путешествие в Малороссию» (1804), (1817) П. И. Шаликова; «Путешествие в Полуденную Россию» В. В. Измайлова (в 4 ч., 1805)) уже получили некоторое осмысление в трудах отечественных и зарубежных литературоведов, то сюжеты путешествий по «центральной» России остаются в определенной степени исследовательской лакуной. Примером такого текста является «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году» (1803) М. И. Невзорова (1762/1763—1827), публициста, прозаика, поэта, масона, издателя журнала «Друг юношества» (1807—1815).

Общая характеристика сентиментальных путешествий дана в программной статье Т. Роболи «Литература “путешествий» [Роболи, 1926], разделе «Проза 1800—1810-х годов» академической «Истории русской литературы», подготовленном Н. Н. Петруниной [Петрунина, 1981], а также монографии Н. Д. Кочетковой «Литература русского сентиментализма» [Кочеткова, 1994]. Кроме того, подробно исследована специфика авторского самосознания в литературе путешествий на примере сочинений П. И. Шаликова, В. В. Измайлова и др. [Шенле, 2004]; прослежена «экспансия» жанра путешествия в русской беллетристике начала XIX века [Банах, 2005]; охарактеризовано место «Путешествия...» Измайлова литературном процессе рубежа XVIII—XIX веков [Соловьев, 2011]; описан

образ Украины в травелогах Измайлова, Шаликова и Левшина [Киселев и др., 2015]; выявлена специфика травелога Сумарокова «Досуги крымско-го судьи...» [Фарафонова, 2017]; уточнена специфика субъектной структуры «Путешествия...» Шаликова [Кублицкая, 2022] и др.

Исследование творческого наследия М. И. Невзорова осуществлялось в основном в контексте его идейно-философских воззрений, в частности, принималась во внимание его принадлежность к масонству [Соколовская, 1999; Тукалевский, 1911]. О рецепции инационального в «Путешествии...» Невзорова пишет Л. В. Сарбаш [Сарбаш, 2013]. Как источник ценных сведений о Нижегородском крае текст рассматривает И. А. Кирьянов [Кирьянов, 1981].

Как отмечает Н. Д. Кочеткова, «Путешествие...», по свидетельствам самого Невзорова, планировалось к изданию в пяти частях, однако была опубликована лишь одна. «В “Путешествии...” Н[евзоров] приводил исторические, географические и статистические сведения <...> включал в текст моралистические рассуждения, пытался, хотя и не всегда удачно, придать повествованию некоторый лиризм <...> П. И. Макаров, упрекая автора в излишней «учености», в целом одобрительно отзывался о “Путешествии...”» [Кочеткова, 1999, с. 338]. Отметим, что Макаров, будучи автором «Писем из Лондона» (1803), с большим вниманием относился к опытам собратьев по жанру — в частности, в этом же году он откликнулся рецензией на «Путешествие в Малороссию» (1803) П. И. Шаликова.

Вместе с тем именно исследование системы национальных образов и выявление специфики писательской «оптики», подходов к описанию пространства, его структуры и функций позволяет реконструировать представление автора о России, а через него — представления жителей, населявших империю в начале XIX столетия, что делает анализируемый травелог ценным историко-этнографическим источником. Кроме того, анализ пространственных отношений и субъектной структуры текста дополняет представления об особенностях развития художественной словесности рубежа веков, в частности сентиментального путешествия.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования состоит в описании образа России в травелоге М. Невзорова «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году» и способов его конструирования. В работе использовался структурно-описательный метод, позволивший охарактеризовать модель образа России в анализируемом тексте, а также культурно-исторический метод, на основании которого была осуществлена интерпретация ландшафтных представлений в необходимом культурном контексте.

Важными для организации исследования стали основные положения теории жанра Н. Л. Лейдермана, концепции культурного ландшафта В. Л. Каганского, субъектной структуры текста Б. О. Кормана [Лейдерман, 2010; Каганский, 2001; Корман, 1972], а также категории национального образа, автообраза и стереотипа, разработанные в рамках имагологии [Поляков и др., 2013; Поляков, 2014].

В исследовании травелога как литературного жанра и практики повседневности мы опирались на анализ его терминосистемы и типологических моделей [Пономарёв, 2011], интерпретацию травелога в контексте «внутренней колонизации» Российской империи [Эткинд, 2013; Эткинд, 2022] и ориентализма [Алексеев, 2016], опыт систематизации обширного круга травелогов XVIII—XX веков [Русский травелог..., 2015; Русский травелог..., 2016], изучение травелога как особой дискурсивной практики [Русакова и др., 2021] и нарративной стратегии [Мамуркина, 2013], осмысление стратегии репрезентации пространства [Шпак, 2016] и др.

Характеризуя подходы Невзорова к организации текста «Путешествия...», Л. Н. Сарбаш отмечает, что «писатель одним из первых в начале XIX века обращается к описанию российской инородческой жизни» [Сарбаш, 2013, с. 64], то есть «чужого»; травелог же как сложное наджанровое образование основан именно на дихотомии «своё — чужое» и в концептуальном смысле ориентирован на осмысление образа Другого. Будучи принципиально пространственноцентричным, он реконструирует пространство, одновременно осуществляя декомпозицию. Маршруты путешественников, долгое время опосредованные внелитературными задачами, становятся векторами освоения чужих территорий, культур, ментальных моделей.

Н. В. Черепанова, исследовавшая путешествие как феномен культуры, даёт ему следующее определение: «это перемещение (реальное или виртуальное) в чужое культурное пространство с целью выхода за пределы наличного бытия для познания себя и мира повседневности другого» [Черепанова, 2006б, с. 7]. Такое широкое толкование объясняется тем, что путешествие традиционно выступает предметом научного интереса в сфере социогуманитарного знания, в том числе в философии, культурологии, истории, филологии и др. Отдельную область составляют географические исследования, которые тесно соприкасаются с общественными науками и современной гуманитаристикой, например, социальная и историческая география, антропогеография и др.

Стабильный интерес исследователей к феномену путешествия объясняется прежде всего тем, что оно выступает одной из древнейших форм познания окружающего мира; неслучайно первые античные историки, именуемые логографами (др.-греч. *λογογράφος*), описывали в числе прочего опыт

своих странствий (например, Гекатей Милетский и Скилак Кариандский). Так, рассказы о путешествиях, войдя в круг исторических источников, значительно расширили представления о прошедшем. Вместе с тем отмечается, что «травелог никогда не был и никогда не будет просто путеводителем или туристическим описанием, это всегда личный сюжет, диалог авторского “я” или героя с местом, с городом, со своим прошлым, со своим настоящим, со своей историей, культурой. <...> И в этом смысле для историка, который ставит своей целью идеальную реконструкцию прошлого, травелог становится неопенимым источником» [Рокина, 2016, с. 5—6].

В связи с тем, что, и «как практика, и как идея, образ, путешествие занимает важное место в культуре» [Толстиков и др., 2010, с. 5], его можно считать способом измерения культурного пространства [Черепанова, 2006а] и механизмом формирования культурных ландшафтов. В. Л. Каганский пишет о том, что «путешествие — способ передвижения в ландшафте для постижения его разнообразия» [Каганский, 2001, с. 47]. Исследователь отмечает, что «[в]сякое земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей — культурный ландшафт, если это пространство одновременно цельно и дифференцировано, а группа освоила это пространство утилитарно, семантически и символически» [Там же, с. 24].

М. Ю. Немцев подчеркивает, что «[о]пыт путешествий относится, возможно, лишь к немногому в современности, что невозможно воспроизвести цифровой симуляцией. Путешественник не может не путешествовать в физическом пространстве со всей его твёрдой, то есть не предсказуемой, часто неприятной, даже угрожающей, материальностью. Путешествие — торжество эмпиризма» [Немцев, 2021, с. 94]. Вместе с тем литературоведение, предметом интереса которого выступают разнообразные травелоги, безусловно, работает прежде всего с виртуальными пространствами; разнообразна и используемая им методология. В этом контексте одним из перспективных исследовательских направлений выступает литературная имагология, исследующая категории своего / чужого и их воплощение [Поляков, 2014, с. 125] и опирающаяся на два ключевых концепта: национальный образ и стереотип. Вместе с тем методология имагологии, ориентированная в концептуальном смысле на осмысление рецепции своего иной культурой, не может в полной мере быть использована для описания модели национального образа в национальной же литературе, однако в данном контексте значимыми выступают категории автообраза (представлений о собственной общности) и гетерообраза (образа иной нации, этноса) [Поляков и др., 2013, с. 22] как разновидностей национального.

Видится важным также суждение В. Б. Земскова о том, что «рецепционную “сетку”, так сказать, имагологический “зрачок” образуют система

ценностей и норм, основные константы национально-этнической ментальности, “через” которые оценивается, “рецензируется” и “цензурируется” другая / чужая культура» [Земсков, 2006, с. 11]. Следует подчеркнуть, что в многонациональной и поликультурной Российской империи «чужим» могло выступать даже территориально «свое».

Особо значимыми в контексте настоящего исследования явились и рассуждения Г. Д. Гачева о национальной картине мира, бытующей в пространстве культуры. Понимая под ней «[е]диное устройство бытия (интернациональное) в особой проекции» [Гачев, 1988, с. 364], исследователь выделяет параметры национальной образности литературы: «верх — низ, даль — ширь, вертикаль — горизонталь, земля — небо, мужское — женское, зенит — надир, Пространство — Время (их национальные варианты), иерархия четырех стихий (земля, вода, воздух, огонь), времен года, органов чувств; соотношение животной и растительной символики» [Там же].

Наконец, мы опирались на опыт исследований в области этнопоэтики — «особой литературоведческой дисциплины, которая “должна изучать национальное своеобразие конкретных литератур”» [Шешунова, 2008, с. 8] и национальный образ мира — «комплекс взаимодействующих компонентов литературного текста, обладающих этнокультурной спецификой» [Там же, с. 11]. Особую ценность в контексте настоящего исследования обнаружили изыскания А. Ф. Кофмана, в частности тезис о том, что «художественный образ “своего” пространства ... является важнейшей частью национальных ... культур» [Кофман, 1997, с. 25]. Репрезентативными оказываются и выделенные автором элементы национальной картины мира, такие как универсум, природа и человек [Там же].

На основе данных теоретических положений нами были выделены три аспекта анализа:

- жанровый: национальный автообраз понимается как элемент национального образа мира; образ мира в литературном тексте жанрово детерминирован [Лейдерман, 2010];
- пространственный: оценивается современный облик ландшафта с частичной исторической реконструкцией его элементов (расчленение ландшафтных многообразий, по В. Л. Каганскому) [Каганский, 2001];
- субъектный: пространство «насыщено» субъектами [Корман, 1972], через характеристику которых оно в том числе и оценивается.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. От структуры текста к структуре образа

Характеристика жанровых особенностей текста, как мы отмечали ранее, способствует выявлению механизмов конструирования национальной

картины мира. По мысли Н. Л. Лейдермана, жанры моделируют специфические мирообразы, и это является основой их дифференциации [Лейдерман, 2010, с. 49]. Длительная история путешествия как жанра сформировала множество его модификаций — от путевых заметок до дневника; письма путешественника — это не только дань традиции Карамзина, но и особый тип (условно) обратимой эпистолярной коммуникации [Белова, 2005], в ходе которой осуществляется непрерывное сопоставление и со вмещение двух образов мира — своего и чужого.

«Путешествие...» Невзорова представляет собой эпистолярный, состоящий из 27 писем. Первое письмо написано во Владимире и датировано январем, последнее — в Казани в феврале. Маршрут путешествия таков: Владимир (письма 1—3); с. Мошки (письмо 4), Муром (письмо 5), с. Зябликовский Погост (письмо 6), с. Павловское (письмо 7), Нижний Новгород (письма 8—9), с. Осташиха (письмо 10), Василь-Сурск (письмо 11), с. Сумки (письмо 12), Кузьмодемьянск (письмо 13), Чебоксары (письма 14—15), Свияжск (письма 16—17), Казань (письма 18—27). 20-е письмо содержит копию письма Ивана Грозного Казанскому архиепископу Гурию, а 25-е — речь муллы, произнесенную перед верующими во Второй мечети Казани 10 февраля 1800 года, а также речь после богослужения.

Текст открывается предисловием, в котором автор сообщает, что письма сложились на основе путевых заметок, созданных с целью переписки «с одной почтѣннейшей особой» [Невзоров, 1803, с. IV] (ответы «особы» в тексте отсутствуют). В качестве литературных образцов упомянуты «Письма русского путешественника» (1792) Н. М. Карамзина и «Путешествие в Полуденную Россию» (1805) В. В. Измайлова, с которыми, впрочем, автор не собирается состязаться: «всякой долженъ быть доволенъ своими талантами» [Там же, с. V].

Путешествие Невзорова началось в Москве; первой остановкой, как было указано ранее, стал Владимир, откуда автор обращается к своему собеседнику, сетуя на то, что не смог должным образом описать переезд из столицы. Авторская интенция сформулирована следующим образом: «...буду сообщать по возможности прошедшїя и настоящїя исторїи мѣстъ нами проезжаемыхъ, описанїе нравовъ, обычаевъ разныхъ народовъ и жителей разныхъ Губернїй, гдѣ позволѣте мне иногда прибавлять разсужденїя свои» [Там же, с. 5].

Установка сентиментального путешественника выражена в следующей фразе: «Красота и прелести природы в своей чистой наготѣ, или прибранные искусствомъ суть такъ велики, что по неволѣ действуютъ на чувства самаго непримечательнѣйшаго путешественника» [Там же, с. 6]. Впрочем, как мы увидим далее, способ восприятия окружающего мира

у Невзорова будет несколько отличаться от заявленного принципа, у него не выйдет быть «Флоріаномъ и Бюфономъ, Дюпати и Делилемъ, Томпсономъ и Юнгомъ» [Там же, с. 7—8].

Иными словами, текст как художественный эпистолярный основан на личном сюжете путешествия автора, что находит отражение в том числе в сохранении установки на документальность повествования (датировка, наличие адресата, повествование от первого лица). В фокусе внимания автора — культурный ландшафт, представление о котором формируется в оппозициях «центр — периферия» и «реальное — воображаемое». Критериями оценки выступает масштаб и степень освоения (застройка).

3.2. Механизмы (ре)конструирования ландшафта

В ходе путешествия Невзоров формирует ведущую смысловую оппозицию «центр — периферия»: «Московскіе жители рѣдко, да и видятъ ли когда-нибудь естественную красоту сего неизмѣримаго воздушнаго пространства, окружающего шар земной» [Невзоров, 1803, с. 6—7]. Перспектива путешествия явлена картографически: «...впереди насъ находящіеся города селенія, уѣзды» [Там же, с. 14], в то время как «...шумъ въ оставшейся позади насъ бѣзднѣ... едва далѣ намъ примѣтитъ нашъ выѣздъ» [Там же]. Это определяет и точку зрения Невзорова на крестьянский быт и городской образ жизни. Так, описывая дом крестьянина села Сумки, он замечает, что «[д]ом крестьянской зимою для хозяина есть тоже, что для богатыхъ дворянъ большой городъ <...> Крестьянская семья въ летнее время вся внѣ дома, такъ какъ дворяне внѣ города: лугъ, поля, лѣсъ, рѣки и озера для крестьянъ тоже, что для богатыхъ дворянъ деревни» [Там же, с. 107—108]. Так микрокосм становится макрокосмом.

Еще одной оппозицией выступает диада «реальное — воображаемое пространство». Характеризуя местоположение Владимира, автор накладывает реальное географическое пространство на пространство памяти — «при напamтoваніи о рѣкѣ Ворѣ я не могу ... не напомнить вамъ о пріятнѣйшемъ удовольствіи, которое мы имѣли съ вами в тихой деревнѣ благодѣтеля и друга нашего, прогуливаясь на берегахъ ея, где читали прогулки Руссовъ» [Там же, с. 23].

России свойственен масштаб. В этом отношении любопытен воображаемый спор Невзорова с неким пермяком: «...осердился на него за то, что онъ мнѣ доказывалъ, что Кама рѣка гораздо болѣе Оки. — Я непременно хотѣлъ, чтобъ Ока была болѣе всѣхъ рѣкъ в Россіи, кромѣ Волги; а сія, самъ не знаю для какихъ причинъ, более всѣхъ рѣкъ не только в Европѣ, но и во всѣмъ свѣтѣ» [Там же, с. 70].

Важным элементом характеристики ландшафта выступает его застроенность: так, особое место в формировании образа России играют разно-

образные культовые сооружения — церкви, соборы, монастыри и мечети, которые автор упоминает при посещении каждого нового места. Будучи во Владимире и Муроме, он осматривает Соборные церкви, в Нижнем Новгороде — Преображенский собор. Описывая Казань, он упоминает Соборную Благовещенскую церковь (дает подробную справку о ее строительстве), Спасо-Преображенский мужской и Казанский женский монастырь, церковь Киприана и Устины, Петропавловскую церковь, а также крупнейшие мечети. Особое внимание он уделяет просветительской и благотворительной деятельности епархии, рассказывая о приходских школах и домах призрения. В 25-м и 26-м письме Невзоров описывает посещение мечети, обращая особое внимание на ход мусульманского богослужения.

На формирование национального образа работают и исторические экскурсии, где ретроспектива обладает пространственным потенциалом. В частности, практически любой крупный город характеризуется с точки зрения истории его создания и расширения. «Князь Андрей, прозванный Боголюбскимъ, разпространилъ его (Владимир. — *О. К.*), украсилъ и построилъ великолѣпную Соборную Пресвятыя Богородицы церковь» [Невзоров, 1803, с. 25]. В целом индикатором «уровня» города выступает наличие в нем каменных построек. Так, описывая Муром, Невзоров отмечает, что здесь «[д]омовъ великолѣпныхъ нѣтъ, однако есть порядочные, хотя деревянные» [Там же, с. 42]. Сходным образом Невзоров характеризует богатое село Павловское, принадлежащее графу Шереметьеву, которое он к тому же называет «селением Вулкановым» [Там же, с. 56] в связи с основным занятием населения — кузнечным делом. О Кузмодемьянске же автор отзывается снисходительно, отмечая, что «изъ семи сотъ безъ малаго обывательскихъ домовъ два только каменныхъ» [Там же, с. 115]; рассуждая о Чебоксарах, он пишет, что здесь около двадцати каменных строений; в Свияжске же их всего три.

Особый интерес для автора представляют и вопросы этимологии топонимов в контексте национальной картины мира, например: «[м]ы едва добрались ночевать до Мошекъ, большаго села, ... названнаго так, какъ нѣкоторые говорятъ, по причине топей и мховъ, со всѣхъ сторонъ его окружающихъ» [Там же, с. 34]. Кроме этого, он обращается к фольклору — например, описывая реку Суру: «течетъ она тихохонько, донышко у ней серебреное, круты бережки позолочены» [Там же, с. 101].

Таким образом, Невзоров очерчивает схему ландшафтной деконструкции: в центре — город, столица, которая ассоциируется с теснотой и суетой; за границей столицы простирается «неизмеримое пространство», основной характеристикой здесь выступает масштаб. Для автора оказывается важным культурный ландшафт, в частности, степень, качество и ре-

гулярность застройки — характеристика планировки населенных пунктов превалирует над пейзажными зарисовками, его интересует история формирования ландшафта и вопросы этимологии. Вместе с тем без характеристики жителей империи, населяющих это неизмеримое пространство, образ оказывается неполным. В связи с географией поездки речь пойдет о широком круге представителей различных национальностей.

3.3. Человек в пространстве России

Как мы указывали ранее, субъектом сознания и субъектом речи в анализируемом тексте выступает автор; в то время как субъектами речи — встреченные Невзоровым жители, через которых и транслируется образ России. Образ этот оказывается чрезвычайно пестрым: Невзоров пишет о том, что, проезжая Покров и «[в]ошедъ в одинъ купеческой домъ, нашли добраго хозяина в Русскомъ китайчатомъ кафтанѣ» [Невзоров, 1803, с. 20]. И далее: «Мы старались сократить время скуки разными разговорами, во время которыхъ услышали прїятное пѣние: это кучеръ нашъ и фореиторъ, засыпанные свѣрху снегомъ, напѣвали деревѣнскую пѣсню» [Там же, с. 37]. Этот эпизод иллюстрирует, что сопровождающие Невзорова отличаются оптимизмом, который он связывает с натурой простолюдинов. Жители села Зябликовский Погост, как отмечает сам автор, характеризуются особой свежестью лиц: «...полнота их состава есть точное изображение Весны» [Там же, с. 50—51]. Зябликовских Ванюш и Дуняш он сравнивает с аркадскими Меналком и Дафной [Там же, с. 54]. Крестьянки села Павловское, в свою очередь, предстают перед Невзоровым одетыми в «богатое Руское шелковое платье, головы всѣ унизаны жемчугомъ» [Там же, с. 58].

Занятный эпизод описан Невзоровым в десятом письме (село Осташиха): в беседе с местным крестьянином обсуждался вопрос, люди ли немцы, и тот не смог дать однозначного ответа («Богъ знаетъ, образъ, кажется, человѣческой именуютъ» [Там же, с. 96]). Автор фиксирует, как работают национальные стереотипы: «Писатели называютъ Русскихъ еще варварами, а Русской мужикъ сомневается и людьми ихъ почестъ» [Там же]. В сходном контексте он иронично отзывается о шотландском поэте Джеймсе Томсоне, авторе поэмы «Времена года»: во время ночлега в селе Сумки Невзоров проводит время в беседе с «шутливымъ старикомъ, начальникомъ семьи» [Там же, с. 109] (в конце письма сказано, что его зовут Логин Семенович), не обсуждая вопросы философии и истории, как призывает шотландец в упомянутой выше поэме — старик, разумеется, не разбирается в этих вопросах, а «просто говорить, что все, что мы видимъ, Богъ сотворилъ» [Там же, с. 110] Здесь также подсвечен контраст: «Будучи безграмотенъ, он не умеетъ бесѣдовать съ великими мудрецами древности <...> Онъ намъ рассказываль о упражненїяхъ и работахъ своихъ» [Там же, с. 110—111].

Все это вызывает у автора скорее симпатию, чем осуждение, чего не скажешь о разбойниках, промышляющих по берегам Волги — это еще один образ и элемент национальной картины мира, как и охраняющие от них казаки: «...встрѣтили насъ Донскіе Казаки, вооруженные страшными своими дротиками, разѣзжающіе по Волгѣ и в окрестностях ея для безопасности путешествующихъ, на которыхъ иногда в тѣхъ мѣстахъ нападают воры» [Там же, с. 113]. Особые надежды на процветание народа Невзоров связывает с просвещением. Так, посетив народное училище в Кузьмодемьянске, он с удовлетворением отмечает, что «[я]мщики, которыхъ дѣдушки и отцы съ трудностію умели счесть до сорока алтынъ по биркамъ, выкладываютъ теперь, сколько иголокъ ляжетъ отъ Кузьмодемьянска до С. Петербурга...; мѣщанскіе дѣти, которыхъ батюшки знали только отъ бабушекъ повѣсть о Чурилѣ Пленковичѣ и о Соловьѣ разбойникѣ, имеютъ уже нѣкоторое понятие о Титахъ, Генрихахъ и Антонинахъ» [Там же, с. 116—117].

Особо следует выделить рассуждения Невзорова об иных народах, населяющих Россию. Так, в 14-м письме он описывает чувашей, черемисов и мордву, отмечая не только их любовь к пестрым ярким одеяниям, но и общую склонность к лени. Показательно, что, когда проводник-чуваш запел песню, чтобы позабавить путешественников, они не смогли в полной мере проникнуть в ее смысл: «...надобно быть Чувашемъ, чтобы чувствовать приятность ихъ пѣнія» [Там же, с. 126]. Будучи в Казани, Невзоров подробно описывает быт и нравы татар. Л. Н. Сарбаш отмечает, что в тексте «с документальной точностью описывается инациональный пласт бытия: от бытовой специфики до духовно-религиозной характеристики — свадебная и похоронная обрядность, описание мечети и мусульманского богослужения. “Татарское” идентифицируется как “мусульманское”, как особая национальная характерология российской действительности и предстает в детализированном изображении» [Сарбаш, 2013, с. 65].

Еще одним элементом конструирования образа России для Невзорова выступают значимые исторические фигуры и религиозные деятели. Так, например, в Муроме он поклонился мощам св. Петра и Февронии, а осмотр Нижнего Новгорода начинается с посещения могилы Кузьмы Минина.

Итак, Невзоров описывает широкий круг лиц — мужчин, женщин, молодых, пожилых, умудренных опытом, разговорчивых и лишенных голоса, русских, татар, чувашей, православных, мусульман и т. д. Все это создает пеструю картину: этническую, религиозную и половозрастную. Невзоров подмечает сходства и различия, описывая константы национально-этнической ментальности, значимую примету образа России.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги, отметим, что модель образа России конструируется у Невзорова следующим образом: автор выбирает форму эпистолярия, которая имитирует документальный текст, следовательно, формирует иллюзию достоверности и установку на то, что представленный читателю образ России соответствует действительности.

Предметами осмысления в рамках заданной системы для автора становится ландшафт как «слепок» пространства и образы жителей, его населяющих. Невзорова интересует культурный ландшафт как совокупность природных и антропогенных реалий — с акцентом на последнее. Оптика восприятия основана на двух ключевых оппозициях: первая (и главная) — «центр — периферия», причем периферия рассматривается в положительном контексте — как простор, масштаб и «воздушное... пространство», второй — «реальный — воображаемый ландшафт» (или, точнее, пространство памяти). В характеристике населенных пунктов акцент сделан на значимые социальные объекты и / или культовые сооружения. Невзоров также обращает внимание на историю того или иного города или села, этимологию названия, местные легенды и верования. Автору удастся одинаково объемно описать богатые русские села и величественную Казань, один из центров мусульманского мира империи. Критерием оценки для него выступает чистота, богатство построек, наличие каменных зданий, культовых сооружений и памятных мест.

По сходной схеме характеризуются и жители необъятной империи — здесь подразумевается типичная для травелога дихотомия «свое — чужое», но Невзоров воздерживается от прямых оценочных суждений. Кажется, ему одинаково интересны и зажиточные русские крестьяне, и воинственные казаки, охраняющие путешествующих по берегам Волги от разбойников, и татары, населяющие Казань, — каждая встреча становится полноценным путевым впечатлением. Он убедительно демонстрирует, что наибольшая дистанция — не между православным и мусульманином, богачом и бедняком, а между жителем столицы, никогда не видевшим подлинных просторов родной страны, и крестьянином, чья жизнь подчинена годовому циклу и чей космос — его жилище.

Так перед нами возникает объемный и многомерный образ России, который был бы еще более полным, если бы Невзоров реализовал свой замысел и описал в полном сочинении не только Казань, но и Вятку и Оренбург.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. *Невзоров М. И.* Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году, Максима Невзорова / М. И. Невзоров. — Москва : В Университетской типографии, у Люби, Гария и Попова, 1803. — 270 с.

Литература

1. *Алексеев П. В.* Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века : концептосфера русского ориентализма : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 16.03.16 / П. В. Алексеев. — Томск, 2016. — 40 с.

2. *Банах И. В.* Структура повествования в жанре путешествия : (на материале рус. лит. конца XVIII — первой трети XIX вв.) : монография / И. В. Банах. — Гродно : Учреждение образования «Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы», 2005. — 131 с. — ISBN 985-417-678-9.

3. *Белова А. В.* Лингвопрагматическая характеристика обратной эпистолярной коммуникации : На материале переписки Ал. П. Чехова и А. П. Чехова : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. В. Белова. — Санкт-Петербург, 2005. — 23 с.

4. *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира : Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский / Г. Д. Гачев. — Москва : Советский писатель, 1988. — 445 с. — ISBN 5-265-00506-4.

5. *Земсков Б. В.* Образ России «на переломе» времен (Теоретический аспект : рецепция и репрезентация «другой» культуры) [Электронный ресурс] / Б. В. Земсков // Новые российские гуманитарные исследования. — 2006. — № 1. — Режим доступа : <http://ngumis.ru/articles/81/> (дата обращения 19.06.2024).

6. *Каганский В. Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство : сборник статей / В. Л. Каганский. — Москва : Новое литературное обозрение, 2001. — 576 с. — ISBN 5-86793-142-0.

7. *Кирьянов И. А.* Путевые записи Максима Невзорова о Нижегородском крае 1800 года / И. А. Кирьянов // Записки краеведов: Очерки, статьи, документы, хроника. — Горький : Волго-Вятское книжное издательство, 1981. — С. 150—153.

8. *Киселев В. С.* «Под отечественным небом странствую с мирною душою» : образ Украины в русских травелогах начала XIX в. (В. В. Измайлов, П. И. Шаликов, А. И. Левшин) / В. С. Киселев, Т. А. Васильева // Имагология и компаративистика. — 2015. — № 2 (4). — С. 20—42. — DOI: 10.17223/24099554/4/2.

9. *Корман Б. О.* Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. — Москва : Просвещение, 1972. — 110 с.

10. *Кофман А. Ф.* Латиноамериканский художественный образ мира / А. Ф. Кофман. — Москва : Наследие, 1997. — 318 с. — ISBN 5-201-13298-7.

11. *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма : (Эстетические и художественные искания) / Н. Д. Кочеткова. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — 279 с. — ISBN 5-02-028096-8.

12. *Кочеткова Н. Д.* Невзоров Максим Иванович / Н. Д. Кочеткова // Словарь русских писателей XVIII века. — Санкт-Петербург : Наука, 1999. — Выпуск 2. К—П. — С. 336—340.

13. *Кублицкая О. В.* Субъектная структура путешествий «массового сентиментализма» (на материале «Путешествия в Малороссию» П. И. Шаликова) / О. В. Кублицкая // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 284—303. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-284-303.

14. *Лейдерман Н. Л.* Теория жанра : исследования и разборы / Н. Л. Лейдерман. — Екатеринбург : УрГПУ, 2010. — 904 с. — ISBN 978-5-904205-64-1.
15. *Мамуркина О. В.* Травелог в русской литературной традиции : стратегия текстопорождения / О. В. Мамуркина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 9 (27) : в 2-х ч. Ч. II. — С. 110—113.
16. *Немцев М. Ю.* Семь фрагментов о гуманитарной географии, путешествиях и краеведении / М. Ю. Немцев // Labyrinth. Теории и практики культуры. — 2021. — № 1. — С. 89—97.
17. *Петрунина Н. Н.* Проза 1800—1810-х гг. / Н. Н. Петрунина // История русской литературы : в 4 томах : От сентиментализма к романтизму и реализму. — Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1981. — Т. 2. — С. 51—80.
18. *Поляков О. Ю.* Имагология : теоретико-методологические основы / О. Ю. Поляков, О. А. Полякова // Имагология : теоретико-методологические основы. — Киров : Радуга-ПРЕСС, 2013. — 162 с. — ISBN 978-5-906544-27-8.
19. *Поляков О. Ю.* Становление и развитие категориального аппарата имагологии / О. Ю. Поляков // Вестник Вятского государственного университета. — 2014. — № 9. — С. 125—134.
20. *Пономарев Е. Р.* Типология советского путешествия : советский путевой очерк 1920—1930-х годов : монография / Е. Р. Пономарев. — Санкт-Петербург : СПбГУТД, 2011. — 275 с. — ISBN 978-5-7937-0572-1.
21. *Роботи Т.* Литература «путешествий» / Т. Роботи // Русская проза. — Ленинград : Academia, 1926. — С. 42—73.
22. *Рокина Г. В.* Травелог как исторический источник / Г. В. Рокина // Запад — Восто́к. — 2016. — № 9. — С. 5—8.
23. *Русакова О. Ф.* Травелог: теоретико-методологический анализ : монография / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков. — Екатеринбург : Дискурс-Пи : Ин-т философии и права Уральского отд-ния Российской акад. наук, 2021. — 265 с. — ISBN 978-5-98728-049-2.
24. *Русский травелог XVIII—XX веков : коллективная монография / под ред. Т. И. Печерской.* — Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2015. — 652 с. — ISBN 978-5-00023-767-0.
25. *Русский травелог XVIII—XX веков : маршруты, топосы, жанры и нарративы : коллективная монография / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой.* — Новосибирск : НГПУ, 2016. — 461 с. — ISBN 978-5-00023-878-0.
26. *Сарбаш Л. Н.* Рецепция «Инонационального» в творчестве М. И. Невзорова : мусульманский мир в «Путешествии в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 гг.» / Л. В. Сарбаш // Rhema. Рема. — 2013. — № 1. — С. 63—67.
27. *Соколовская Т. О.* Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия) / Т. О. Соколовская. — Москва : Гос. публ. ист. б-ка России, 1999. — 172 с. — ISBN 5-85209-052-2.
28. *Соловьев А. Ю.* «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова в контексте русской литературы путешествий конца XVIII — начала XIX веков : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. Ю. Соловьев. — Санкт-Петербург, 2011. — 24 с.
29. *Толстиков А. В.* НОМО VIATOR / А. В. Толстиков, О. Е. Кошелева // Путешествие как историко-культурный феномен. — Москва : ИВИ РАН, 2010. — С. 5—10. — ISBN 978-5-94067-317-0.
30. *Тукалевский В. Н.* Искания русских масонов : [Из истории филос. направлений в рус. о-ве XVIII в.] / В. Н. Тукалевский. — Санкт-Петербург : Сенат. тип., 1911. — 73 с.

31. *Фарафонова О. А.* Ориентальный травелог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду») / О. А. Фарафонова // Научный диалог. — 2017. — № 7. — С. 70—82. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-70-82.
32. *Черепанова Н. В.* Путешествие как способ измерения культурного пространства / Н. В. Черепанова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2006а. — № 7. — С. 65—71.
33. *Черепанова Н. В.* Путешествие как феномен культуры : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Н. В. Черепанова. — Томск, 2006б. — 19 с.
34. *Шенле А.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790—1840 / А. Шенле. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2004. — 271 с. — ISBN 5-7331-0287-X.
35. *Шешунова С. В.* Национальный образ мира как категория этнопоэтики русской словесности [Электронный ресурс] / С. В. Шешунова // Проблемы исторической поэтики. — 2008. — Т. 8. — Режим доступа : <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2589> (дата обращения 19.06.2024).
36. *Шпак Г. В.* Травелог : поиск универсальной дефиниции. Четыре стратегии репрезентации пространства / Г. В. Шпак // Преподаватель XXI век. — 2016. — Т. 3. — № 2. — С. 261—277.
37. *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. Эткинд ; авториз. пер. с англ. В. Макарова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2013. — 448 с. — ISBN 978-5-4448-0530-5.
38. *Эткинд А.* Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах / А. Эткинд. — Москва : Новое литературное обозрение, 2022. — 608 с. — ISBN 5-86793-141-2.

*Статья поступила в редакцию 18.06.2024,
одобрена после рецензирования 29.08.2024,
подготовлена к публикации 16.09.2024.*

Material resources

Nevzorov, M. I. (1803). *Journey to Kazan, Vyatka and Orenburg in 1800*, Maxim Nevzorov. Moscow: In the University Printing House, Lyubov, Garia and Popov. 270 p. (In Russ.).

References

- Alekseev, P. V. (2016). *The East and the Oriental text of Russian literature of the first half of the XIX century: the conceptual sphere of Russian orientalism*. Author's abstract of Doct. Diss. Tomsk. 40 p. (In Russ.).
- Banach, I. V. (2005). *The structure of the narrative in the genre of travel: (based on the material of the Russian lit. of the end of the XVIII — first third of the XIX centuries): monograph*. Grodno: Educational institution "Grodno State University named after Yanki Kupala". 131 p. ISBN 985-417-678-9. (In Russ.).
- Belova, A. V. (2005). *Linguopragmatic characteristics of reversible epistolary communication: Based on the correspondence of Al. P. Chekhov and A. P. Chekhov*. Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 23 p. (In Russ.).
- Cherepanova, N. V. (2006). *Travel as a cultural phenomenon*. Author's abstract of PhD Diss. Tomsk. 19 p. (In Russ.).

- Cherepanova, N. V. (2006). Travel as a way of measuring cultural space. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 7: 65—71. (In Russ.).
- Etkind, A. (2013). *Internal colonization. The Imperial experience of Russia*. Moscow: New Literary Review. 448 p. ISBN 978-5-4448-0530-5. (In Russ.).
- Etkind, A. (2022). *Interpretation of travel: Russia and America in travelogues and intertexts*. Moscow: New Literary Review. 608 p. ISBN 5-86793-141-2. (In Russ.).
- Farafonova, O. A. (2017). Oriental Travelogue by Pavel Sumarokov (“Leisure of Crimean judge or Second journey to Tavrida”). *Nauchnyi dialog*, 7: 70—82. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-7-70-82> (In Russ.).
- Gachev, G. D. (1988). *National images of the world: General issues. Russian. Bulgarian. Kyrgyz. Georgian. Armenian*. Moscow: Soviet Writer. 445 p. ISBN 5-265-00506-4. (In Russ.).
- Kagansky, V. L. (2001). *Cultural landscape and Soviet habitable space: collection of articles*. Moscow: New Literary Review. 576 p. ISBN 5-86793-142-0. (In Russ.).
- Kiryanov, I. A. (1981). Travel notes by Maxim Nevzorov about the Nizhny Novgorod Region in 1800. In: *Notes of local historians: Essays, articles, documents, chronicle*. Gorky: Volga-Vyatka Book Publishing House. 150—153. (In Russ.).
- Kiselyov, V. S., Vasilyeva, T. A. (2015). “I travel with a peaceful soul under the domestic sky”: the image of Ukraine in Russian travelogues of the early XIX century (V. V. Izmailov, P. I. Shalikhov, A. I. Levshin). *Imagology and comparative studies*, 2 (4): 20—42. DOI: 10.17223/24099554/4/2. (In Russ.).
- Kochetkova, N. D. (1994). *Literature of Russian sentimentalism: (Aesthetic and artistic searches)*. St. Petersburg: Nauka. 279 p. ISBN 5-02-028096-8. (In Russ.).
- Kochetkova, N. D. (1999). Nevzorov Maxim Ivanovich. In: *Dictionary of Russian writers of the XVIII century*, 2. K—P. St. Petersburg: Nauka. 336—340. (In Russ.).
- Kofman, A. F. (1997). *Latin American artistic image of the world*. Moscow: Heritage. 318 p. ISBN 5-201-13298-7. (In Russ.).
- Korman, B. O. (1972). *Studying the text of a work of art*. Moscow: Prosveshchenie. 110 p. (In Russ.).
- Kublitskaya, O. V. (2022). Subjective Structure of “Mass Sentimentalism” Travels (P. I. Shalikhov “Journey to Malorossia”). *Nauchnyi dialog*, 11 (7): 284—303. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-284-303> (In Russ.).
- Leiderman, N. L. (2010). *Theory of genre: research and analysis*. Yekaterinburg: USPU. 904 p. ISBN 978-5-904205-64-1. (In Russ.).
- Mamurkina, O. V. (2013). Travelogue in the Russian literary tradition: the strategy of text generation. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 9 (27): in 2 hours II: 110—113. (In Russ.).
- Nemtsev, M. Yu. (2021). Seven fragments about humanitarian geography, travel and local history. *Labyrinth. Theories and practices of culture*, 1: 89—97. (In Russ.).
- Petrulina, N. N. (1981). Prose of the 1800s—1810s. In: *The history of Russian literature. In 4 volumes. From sentimentalism to romanticism and realism*, 2. Leningrad: Nauka: Leningrad Branch. 51—80. (In Russ.).
- Polyakov, O. Yu., Polyakova, O. A. (2013). Imagology: theoretical and methodological foundations. In: *Imagology: theoretical and methodological foundations*. Kirov: Raduga-PRESS LLC. 162 p. ISBN 978-5-906544-27-8. (In Russ.).
- Polyakov, O. Yu. (2014). The formation and development of the categorical apparatus of imagology. *Bulletin of Vyatka State University*, 9: 125—134. (In Russ.).

- Ponomarev, E. R. (2011). *Typology of Soviet travel: The Soviet travel essay of the 1920s—1930s: a monograph*. St. Petersburg: SPGUTD. 275 p. ISBN 978-5-7937-0572-1. (In Russ.).
- Roboli, T. (1926). Literature of “travels”. In: *Russian prose*. Leningrad: Academia. 42—73. (In Russ.).
- Rokina, G. V. (2016). Travelogue as a historical source. *West — East*, 9: 5—8. (In Russ.).
- Rusakova, O. F., Rusakov, V. M. (2021). *Travelogue: theoretical and methodological analysis: monograph*. Yekaterinburg: Discourse-Pi: Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 265 p. ISBN 978-5-98728-049-2. (In Russ.).
- Russian travelogue of the XVIII—XX centuries: a collective monograph*. (2015). Novosibirsk: NSPU Publishing House. 652 p. ISBN 978-5-00023-767-0. (In Russ.).
- Russian travelogue of the XVIII—XX centuries: routes, toposes, genres and narratives: a collective monograph*. (2016). Novosibirsk: NGPU. 461 p. ISBN 978-5-00023-878-0. (In Russ.).
- Sarbash, L. N. (2013). Reception of the “Foreign” in the work of M. I. Nevzorov: the Muslim world in the “Journey to Kazan, Vyatka and Orenburg in 1800”. *Rhema. Rema*, 1: 63—67. (In Russ.).
- Shenle, A. (2004). *Authenticity and fiction in the author’s self-consciousness of Russian travel literature, 1790—1840*. St. Petersburg: Academic Project. 271 p. ISBN 5-7331-0287—X. (In Russ.).
- Sheshunova, S. V. (2008). The national image of the world as a category of ethnopoetics of Russian literature. *Problems of historical poetics*, 8. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2589> (accessed 19.06.2024). (In Russ.).
- Shpak, G. V. (2016). Travelogue: the search for a universal definition. Four strategies of space representation. *Teacher of the XXI century*, 3 (2): 261—277. (In Russ.).
- Sokolovskaya, T. O. (1999). *Russian Freemasonry and its significance in the history of the social movement (XVIII and the first quarter of the XIX century)*. Moscow: State Publ. ist. b-ka of Russia. 172 p. ISBN 5-85209-052-2. (In Russ.).
- Solovyov, A. Yu. (2011). “Journey to midday Russia” by V. V. Izmailov in the context of Russian travel literature of the late XVIII — early XIX centuries. Author’s abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 24 p. (In Russ.).
- Tolstikov, A. V., Kosheleva, O. E. (2010). HOMO VIATOR. In: *Travel as a historical and cultural phenomenon*. Moscow: IVI RAS. 5—10. ISBN 978-5-94067-317-0. (In Russ.).
- Tukalevsky, V. N. (1911). *The search for Russian Freemasons: [From the history of Philos. directions in the Russian language of the XVIII century]*. St. Petersburg: Senate. type. 73 p. (In Russ.).
- Zemskov, B. V. (2006). The image of Russia “at the turning point” of times (Theoretical aspect: reception and representation of the “other” culture). *New Russian humanitarian studies*, 1. Available at: <http://nrgumis.ru/articles/81/> (accessed 19.06.2024). (In Russ.).

*The article was submitted 18.06.2024;
approved after reviewing 29.08.2024;
accepted for publication 16.09.2024.*